

Глава 130: Махинации

Лицо Жань Миня разом потемнело, а глаза вспыхнули. Он махнул рукой и крикнул:

— Быстрее.

Его охранникам не нужно было ничего говорить, те уже умчались вперед.

Вскоре они все прибыли на место пожара.

Пока они смотрели на пылающее пламя и клубящийся дым, а соседи с криками бегали туда сюда, пытаясь потушить огонь ведрами воды, охранник возбужденно закричал:

— Генерал, что нам делать?! (гипс снимают, клиент уезжает!!!)

Одновременно в отдалении среди местных слышались возгласы:

— Этот двор заброшен уже много лет, как странно, что он вдруг загорелся!

— Похоже, он может гореть еще несколько дней. Там много построек.

Лицо Жань Миня было неподвижно, как вода, в то время как вокруг них продолжалась суматоха.

Чэнь Жун точно также оцепенело уставился на языки пламени, достигающие небес, и пробормотал:

— Сейчас мы уйти не сможем. Это определено.

Он был прав; они не могли уйти. Ну, или им вновь был нужен тот же проводник, чтобы он показал еще один путь из города. Наверняка он знает не один ход.

Вход в туннель остался внутри горящего двора. Однако, глядя на огонь, все будет сожжено в течение трех дней, и к тому времени туннель больше не сможет использоваться, поскольку будет завален, а может и вовсе обрушится. Остается еще вариант того, что сам ход будет заполнен дымом и пройдет время, пока воздух в нем поменяется.

Лицо Жань Миня медленно заледенело, глаза же стали острыми, как бритва.

— Генерал? — прошептал виновато охранник.— Второй двор с проходом был занят въехавшими

людьми.

Жань Минь даже не потрудился обернуться. Всмотриваясь, какое-то время в клубящийся дым, прежде чем усмехнуться:

— Хорошо для Ван Хуна, хорошо для Ван Цилана!

Возможно, у него и не имелось доказательств, что это дело рук Ван Хуна, но он был совершенно уверен, что им открыто манипулировали!

Он сразу же зашагал обратно во двор Ван Хуна, даже не думая проверять второй проход.

Его охранники держались вплотную за ним. Каждый из них был готов схватиться за ножны, отражая нападение.

Испугавшись угрожающей атмосферы, Чэнь Жун, не глядя, последовал за Жань Минем не осмеливаясь поднять голову.

Но генерал вдруг остановился.

Его губы сжались в прямую линию, когда он посмотрел вперед.

Чэнь Жун почувствовал перемену в воздухе и поднял голову.

Он понял, что они неосознанно направились к боковым воротам поместья, где жил Ван Хун. Но на этот раз ворота оказались распахнуты настежь. При свете единственного факела стоял на ветру сам Ван Хун, накинув на себя лавандовую накидку. Его руки были сложены на груди, и он спокойно наблюдал за ними.

Позади него никого не было.

Факел мерцал на ночном ветру. Звезды на небе слабо рассеивали свой свет над его фигурой.

Все его существо было самой элегантностью.

Ван Хун спокойно оставался у двери. Когда он увидел, что Жань Минь кровожадно остановился, он поднял сцепленные руки и приветствовал его со всей элегантностью и кротостью омеги:

— Для меня большая честь принимать тебя вновь, генерал! — затем он поднял голову, открыв глаза, замерцавшие в свете звезд. — Прошу понимания от тебя. Когда дело касается дома и

страны, если это требуется, то я могу прибегнуть даже к интригам.

Жань Минь смотрел на него волком, но ответил:

— Что заставляет тебя думать, что такой незначительный город, как Нань'ян, может заманить меня в ловушку? То, что я не хочу сделать, никакие планы не изменят!

Ван Хун улыбнулся.

Его улыбка не могла сиять ещё больше.

Спокойно пронаблюдав за Жань Минем, он затем неторопливо ответил:

— Как ты можешь так говорить, генерал? Мужун Кэ — враг как мне, так и тебе.

Генерал пренебрежительно фыркнул, что можно было равно считать как пренебрежение к такому утверждению, или к тому, что оно ошибочно.

— Ты, должно быть, планировал подождать, пока Нань'ян и Мужун Кэ прольют кровь друг друга, а затем присоединился бы к драке, — продолжал Цилан, а затем, когда он закончил, Чэнь Жун заметил, как волчьи глаза Жань Миня сузились с выражением, показавшим, что Ван Хун попал в точку. Возможно.

Сцепив руки за спиной, Ван Хун продолжил немного обреченно:

— Ты честолюбивый человек, генерал. Даже если ты и найдешь сострадание в своем сердце, но когда это необходимо, ты ставишь человеческие жизни столь же, сколь и жизни животных. Но я не могу сделать то же самое.

Жань Минь усмехнулся, он ни на мгновение не поверил омеге. Но слова были сказаны на зрителя. Кто знает, кто следит за этим разговором. Поэтому генерал холодно произнес:

— Ты, естественно, хочешь сыграть в азартную игру.

Тем не менее, к тому времени, когда он произносил эту фразу, его гнев, казалось, уменьшился.

В это время Ван Хун наклонился и изящным жестом указал в сторону двора.

— Заходи, генерал.

Жань Минь не двигался.

— Я не люблю, когда мной манипулируют, — холодно произнёс он, уставившись на Ван Хуна.

Ван Хун не ответил на его взгляд, хотя все еще улыбался.

— Я тоже не люблю, когда мне угрожают.

Жань Минь отправился в ночное путешествие, чтобы договориться с ним, а также использовать ситуацию, чтобы угрожать ему, или, вернее, угрожать Дому Ван в Лан'я, заставив тот подчиниться. Вот почему Ван Хун высказал подобные слова.

Жань Минь нахмурился.

В это время Ван Хун беззаботно вошел внутрь, шевельнув рукавами. Пока он шел, прозвучал его ясный голос:

— Император Гаоцзу Хань неоднократно терпел поражения после того, как он убил белого демонического змея и начал свою кампанию. Война не выигрывается в одном сражении, ты же знаешь.

Жань Минь в смятении поднял голову: «Неужели он действительно сравнивает себя с Легендарным Царем-Основателем Княжества Хань? Что он пытается сказать? Что собирается стать императором? Бред. Он - омега. Омега может быть только... императрицей?»

Он стоял, глядя вслед Ван Хуну. Наконец он неожиданно улыбнулся. Его вывод был довольно забавен.

— Хорошо для Ван Хуна!— его улыбка стала довольно мрачной. Если это так, ему предстоял сложный выбор. Впрочем, еще недавно, ожидая обоз с беженцами у Желтой, он именно такие планы и строил. Но сейчас такое решение вызывало недовольство.

Когда он вошел внутрь, его охранники медленно отпустили оружие и последовали за ним.

Чэнь Жун тоже последовал за ним, склонив голову.

Он добрался до бамбукового домика только к тому времени, когда его перехватили две наверняка специально ожидающие служанки. Они поклонились и тихо сказали:

— Мы приготовили для вас ванну и смену одежды. Пожалуйста, пройдемте с нами, молодой мастер.

Чэнь Жун остановился.

Он посмотрел на Жань Миня.

Но ясные глаза, с которыми он столкнулся, принадлежали Ван Хуну. Интересно, с каких это пор он так молча смотрел на него? Под звездным небом, его глаза были как вода...

От одного этого взгляда Чэнь Жуну стало очень стыдно. Он поспешно склонил голову и, не дожидаясь больше ответа Жань Миня, ушел вместе со служанками.

Жань Минь был полностью поглощен завтрашней битвой и ему все равно. Он не обращал внимания на то, как он приходит и уходит. Таким образом, к тому времени, когда он исчез, он даже не обернулся, чтобы посмотреть.

Чэнь Жун последовал за служанками в бамбуковый гостевой домик. Он посмотрел на прекрасное строение и раскачивающиеся на ветру кипарисы и тихо заметил:

— Какое очаровательное место.

— Вы бы не догадались, господин, — с улыбкой ответила служанка, — Но за каждым растением и деревом здесь ухаживает наш Цилан. — другая заглушила ее хихиканье, — Да, это правда! Если бы дамы в Нанъняне знали, что это место существует, я уверена, что стены этого двора уже оказались снесены.

Искренне улыбаясь, служанки обслуживали Чэнь Жуна. В целом они были очень дружелюбны. Они помогли снять верхнюю уличную одежду и обувь.

Он смог отпустить свои тревоги. Улыбнувшись, он огляделся и пробормотал:

— Да, милость Цилана превосходит нас, простых смертных. — Но как же он? Ему приходилось ломать голову, чтобы просто подумать об этих вершинах.

В это время служанки ступили на скрипучую лестницу.

Через некоторое время они толкнули бамбуковую дверь на второй уровень под изогнутой крышей крытой все тем же бамбуком, словно черепицей. Точнее его магически мутировавшей разновидности. Насколько он знал, такой бамбук произрастает куда южнее, в джунглях, и тут он стоит немалых денег.

Кажется, эти постройки куда дороже, чем он думал.

Чэнь Жун последовал за ними наверх.

Когда он вошел, в нос ему ударил ароматный ветерок. Снаружи этот бамбуковый домик выглядел элегантно и просто, поэтому он не ожидал увидеть исключительную роскошь и комфорт, находившиеся внутри. В воздухе, напоенном ароматами, висели расшитые бисером драпировки, стены и даже пол были покрыты толстыми коврами. При всей воздушности этот шатер был теплым, как юрта северных кочевников. Внутри обогревалось это строение его же артефактами, камнями-обогревателями в жаровнях. Ха, поместье Ван изрядно вложились в его благосостояние. А он еще удивлялся, кто закупил столько камней... Наверняка все поместье Ван так теперь отапливается. Это куда чище и безопаснее угольных жаровен. А вот Чэнь определенно пожадничали. Интересно, а печи из его двора остались у работников или Юань забрал их себе? Почему-то он не сомневался во втором. Но в свое время не проследил, оно было не до того.

Он подошел к окну.

Отсюда он мог видеть пышный двор, где росли вечнозеленые растения, вроде бамбука и можжевельников, туй, магнолий, хвойных. Несмотря на зиму, пейзаж был таким же зеленым, как и весной. Растения составляли изысканную композицию оттенками своих голых ветвей и листьев, хвои. Пусть снег сошел, но ощущения грязи не было. Сад выглядел свободным, но каждая веточка была на своем месте, являя графически сдержанную картину. Наверняка омега виртуозно владел силой воздействия на растения. Это было ожидаемо. При всей универсальности, омеги, как и любые маги, имели свои симпатии и увлечения.

Из-за высокой длинноигольчатой сосны был виден карниз бамбукового дома. Это была резиденция Ван Цилана. Ему стало интересно, о чем они с Жань Минем разговаривают в этот момент.

Пока Чэнь Жун осматривался, служанки принялись за работу. Вскоре одна из них вежливо сказала ему:

— Вода готова, господин. Пожалуйста, входите.

Чэнь Жун сказал "Эн" и обернулся.

За занавесками и ширмой поднимался белый пар.

Подойдя к фурако, он искоса огляделся и, протянул руку к висящему на ширме домашнему ханьфу тонкой ткани, прохладному, как лед, и нежно погладил его. Одевание было сдержанным, но роскошным.

Одна из служанок распустила его темные волосы, чтобы расчесать их, тем временем она ускользнула взглядом по ханьфу в руках Чэнь Жуна и весело сказала:

— Цилан лично прислал это шелковое домашнее ханьфу. Взгляните, господин, и посмотрите, подходит ли он Вам.

Он прислал его для меня?

Чэнь Жун был ошеломлен.

Он опустил глаза, его голос слегка дрожал:

— Оно белое.

У фурако другая служанка высыпала лепестки зимней сливы в воду и ответила:

— Да, любимый цвет Цилана – белый. Он как-то сказал, что такое ханьфу – единственное, что осталось белым и чистым в этом гнилом мире.

— Осталось белым и чистым... — пробормотал он, нежно погладив белое ханьфу. — Да, только это ханьфу может быть таким белым и чистым.

— Заходите в фурако, господин.

Чэнь Жун ответил согласием. Фурако (бочка-ванна, широкая но невысокая, обитая металлом с приступкой-скамейкой внутри, они часто имели снизу подогрев) была довольно большой, в ней можно было свободно разместиться и вдвоем. Он снял нижнее белье и шагнул в воду обнаженным, как привык. Девушки сначала уставились на него, а потом переглянулись и «стыдливо» дружно прикрылись рукавами. Подглядывая из-за ткани на юного красавчика, хихикать они не решились, однако глазели от души.

Температура воды была в самый раз. В последнее время Чэнь Жун жил с Жань Минем и его войсками в лагере, и у него не имелось возможности вот так погрузиться в воду. Приходилось довольствоваться обтираниями и возможностями тазика. Входить в пространство при стольких свидетелях он бы не рискнул.

Он погрузился глубоко под воду, оставив на поверхности только свое лицо.

Удовлетворенно вздохнув, Чэнь Жун с улыбкой сказал:

— Это так приятно.

Служанки радостно улыбались, видя его таким довольным.

Вскоре Чэнь Жун надел шелковое нижнее белье и домашнее ханьфу.

Была уже очень поздняя ночь. Служанки одна за другой вышли из его комнаты. Он снял обувь и забрался в постель.

Одеяло было мягким и удобным, и от него исходил тонкий аромат. Оно тоже было изготовлено в его мастерской. Чэнь Жун самодовольно растянул губы. Подушка была сделана из прекрасного нефрита Янчжи. Теперь, когда наступила зима, он к тому же был покрыт белой шкурой лисы. Чэнь Жун прижался лицом к пушистому теплему меху и некоторое время оценивающе смотрел на него, думая: «Да, думаю, что лисий мех Госпожи Жуань имел тот же цвет и текстуру».

Разница в том, что Госпожа Жуань очень дорожила своим белым лисьим мехом и всегда неохотно носила его. Даже когда она надевала его, любая служанка, неосторожно прикоснувшись к нему, получала хорошую взбучку. Но здесь они использовали такие драгоценные шкуры в качестве подкладки под голову...

При этой мысли Чэнь Жун не смог удержаться и оглядел комнату. Все, что попадалось ему на глаза, было великолепным и редким. Если бы у обычных дворян имелись подобные вещи, то те попрятали бы их в своих хранилищах, как будто это были бесценные сокровища.

Пока Чэнь Жун осматривался, бамбуковая дверь со скрипом открылась, впустив служанку.

Та встала спиной к Чэнь Жуну, зажигая курильницу. Принюхавшись, Чэнь Жун не мог не спросить:

— Что это за запах? Такой приятный! — и правда запах был великолепен.

— Это амбра, господин, — с улыбкой ответила горничная.

Амбра? Значит, королевская вещь. Ароматические смолы для кульниц были очень дороги и покупались буквально на вес золота.

Закончив свою работу, девушка повернулась, чтобы уйти. Когда она собиралась открыть дверь, то оглянулась на Чэнь Жуна и, скрыв улыбку, произнесла:

— Даже во время последнего визита Девятой Принцессы в поместье, Цилан не принимал ее так же хорошо, как сейчас принимает Вас.